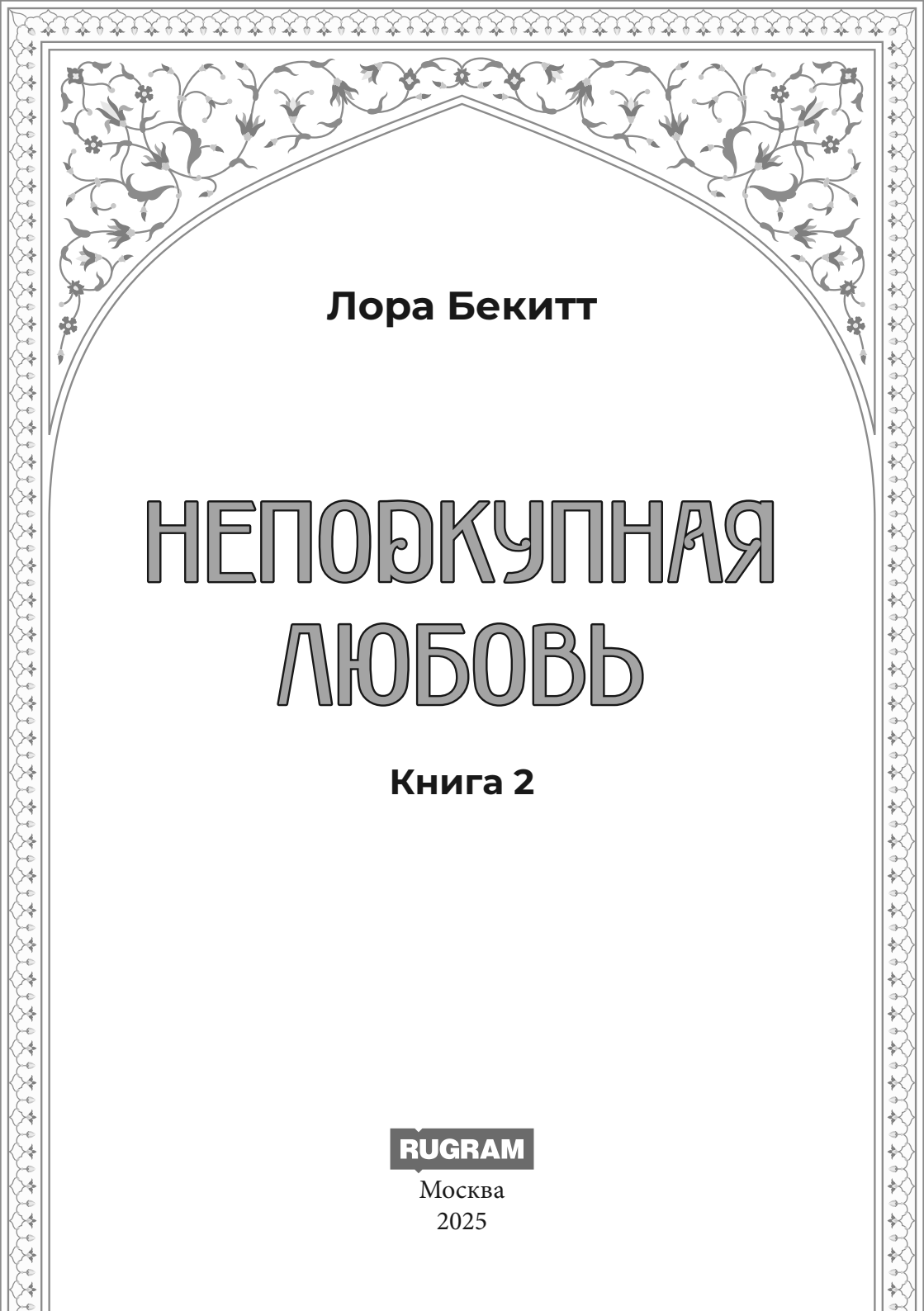

Лора Бекитт

НЕПОРКУПНАЯ ЛЮБОВЬ

Книга 2

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)
Б42

Бекитт, Л.

Б42 Неподкупная любовь. Книга 2/ Л.Бекитт. — М. / RUGRAM, 2025. — 278 с. — (Неподкупная любовь).

ISBN 978-5-517-13189-8

Турция, начало 19 века. Страну сотрясают распри борющихся за власть султанов, отчего страдают верноподданные правителей. Брат и сестра Айнур и Айше едва не лишились имущества и крова из-за того, что их отец попал в опалу, и вынуждены зависеть от человека, которого им завещано ненавидеть.

В гареме богатого горожанина Ахмеда эфенди четыре наложницы различного происхождения и национальности. Не все они довольны беззаботной жизнью, особенно после того, как среди них очутилась дикарка, степнячка Ханар, чья жажда свободы неистребима, чью любовь невозможно купить.

Причудливое переплетение судеб героев, препятствия влюбленным сердцам, дерзкие побеги из застенков, прекрасные пейзажи Турции, Грузии и Армении, обычаи и культура их народов в новом приключенческом романе Лоры Бекитт.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13189-8

© Лора Бекитт, текст, 2025
© Марина Борисова,
художественное оформление, 2025
© RUGRAM, 2025

Глава первая

В Стамбул наконец пришло лето. Небо раскинулось над городом, словно огромный кусок гладкого голубого шелка. Лазурно-золотые узоры, украшавшие купола мечетей, делали их похожими на гигантские цветы. Настоящие бутоны в великом множестве распустились в садах, отчего Стамбул сделался похожим на мусульманский рай. С Босфора тянули «мельтемы», легкие приятные бризы. До самых сумерек видимость оставалась такой хорошей, что с противоположных берегов можно было разглядеть замысловатые, опоясанные галереями и террасами дворцы, блиставшие на фоне темной зелени парков.

Между тем обстановка в городе накалялась с каждым днем. В середине июля Мустафа паша Байрактар отправил отряд своих воинов к Румелийскому маяку¹ для внезапного нападения на резиденцию вождя ямаков Кабакчи оглы. Члены возглавляемого Байрактаром тайного кружка «Руцукские друзья» столь тщательно хранили тайну относительно своих планов восстановления власти султана Селима, что никто не мог разгадать подлинной цели похода армии на Стамбул. Правила безудержно нарушались. Провинциальные силы двигались на столицу. Этого не случалось еще никогда. На такое были способны только великие люди. Храбрость, солдатская прямолинейность и личная честность Мустафы Байрактака делали свое дело.

¹ Румелийский маяк (Румели-Фанар, Крепость-маяк) — форт на Босфоре.

Посланный Байрактаром отряд скрытно подошел к крепости. Мустафа Кабакчи спал. Ворвавшиеся в особняк воины убили грозного предводителя ямаков и тотчас повезли его голову в резиденцию Байрактара. Столичные янычары — главное орудие дворцовых переворотов и вечный источник беспорядков — пока бездействовали, не решаясь выступить против товарищей-солдат. В это время ямаки подкатили пушки и начали обстрел маяка. При первых звуках канонады возникла паника на всем Босфоре. Окрестное население обратилось в бегство пешком и на лодках. Но самые важные события были еще впереди.

Вооруженный до зубов отряд главы «рушукских друзей» проследовал к султанскому дворцу, где царила неразбериха. Ходили слухи, что арестован великий визирь и что армия Байрактара, вступившая в Стамбул, насчитывает не меньше пятнадцати тысяч воинов. Утром султан Мустафа IV собирался отправиться на биниш — традиционную прогулку на каике по Сладким водам Азии. Когда ему сообщили о случившемся, он отменил поездку и приказал запереть дворцовые ворота.

Пока Байрактар вел переговоры, требуя, чтобы его допустили к султану, за «вратами блаженства», отделявшими покой падишаха от внешнего мира, разыгралась трагедия. По узким переходам и крутым лесенкам дворца в комнаты бывшего султана Селима спешила группа убийц. Мустафа IV приказал задушить и его, и своего брата принца Махмуда, чтобы остаться последним отпрыском османской династии и сохранить за собой трон.

Ничего не подозревавший Селим был застигнут врасплох. Он долго и мужественно сопротивлялся, но силы были неравными. Убийцы жестоко расправились с бывшим султаном:

нанесли ему множество ножевых ранений, сломали ногу, оторвали вместе со щекой его пышную холеную бороду. Махмуду повезло больше: верные принцу люди оказали убийцам вооруженное сопротивление и дали ему возможность выбраться на крышу через трубу камина, откуда он на связанных вместе кушаках спустился в дворцовый сад.

Вынесенное из покоев тело Селима положили на каменную скамью перед «вратами блаженства», где его и обнаружил Байрактар. Зрелище потрясло Мустафу пашу. Его лучшие надежды рушились. Тот, кто, согласно его планам, должен был возродить мощь и процветание империи, защитить ее от внешних врагов, спасти от развала, превратился в обезображенный труп. Разразившись горькими рыданиями, Байрактар принялся омыwać слезами тело Селима и, согласно старинному обычаю, зализывать его кровавые раны. А после случилось то, чего так боялись ставшие невольными заложниками придворные: Мустафа паша принялся созывать своих воинов. Он был намерен уничтожить во дворце все живое и не оставить от него камня на камне.

Неизвестно, что произошло бы дальше, но в дело вмешались приближенные Байракта́ра. Они принялись уговаривать его низложить нынешнего султана и возвести на престол принца Махмуда, если тот остался жив. С остальными предлагалось поступить по совести: казнить ярых приверженцев Мустафы IV и освободить тех, кто продолжал поддерживать султана Селима.

* * *

В тот вечер обитательницы гарема Ахмеда эфенди не дождались возвращения своего господина. По стечению обстоятельств Ибрагим тоже отсутствовал: один из его друзей-

евнухов отмечал повышение по службе, и абиссинец отпросился у хозяина, а после не смог вернуться обратно из-за творившихся в городе беспорядков. Не было и Севды с Карачей — девушки отлучились на свадьбу подружки-служанки и застряли там по той же причине, что и Ибрагим.

В гареме остались только Зейнаб, Белгин и Эмре. Их не могло отвлечь и развлечь ничто: ни разговоры, ни игра на музыкальных инструментах, ни сладости, ни напитки. В конце концов все трое перестали делать вид, будто ничего не происходит и скрывать друг от друга, что у них зуб на зуб не попадает от страха. Снаружи царила непроглядная тьма, лишь где-то вдалеке мерцали зловещие огни. А еще откуда-то доносились крики и лязг железа. Стража, как водится, удрала. Если ни хозяин, ни его сын не вернулись домой, дело плохо: возможно, они уже мертвы.

У Зейнаб были особые причины для волнения: еще утром она почувствовала первые схватки, хотя, если верить повитухе, до родов оставалась неделя. Сейчас она из последних сил расхаживала по комнате, взявшись рукой за поясницу, шумно дыша и время от времени кривясь от боли. Ее блестящее в свете ламп лицо с припухшими губами и полными страха глазами было покрыто испариной. Не так давно у Зейнаб отошли воды, и черкешенка ждала, что с минуты на минуту начнет рожать.

— Где Ахмед эфенди, Ибрагим, служанки? Что происходит?! Почему вы ничего не предпринимаете?! — истерически произнесла она, глядя на Белгин и Эмре с осуждением и гневом.

Евнух сделал армянке едва заметный знак, и оба под каким-то предлогом вышли из комнаты.

— Ты знаешь, что делать? — прошептала Белгин.

Эмре покачал головой. В обязанности евнухов входило развлекать наложниц и следить за порядком в гареме. Никто не учил его принимать роды.

— Пока не поздно, надо позвать хакима, — сказала армянка. — Или, в крайнем случае, попросить помощи у кого-то из соседок.

— Хорошо, я схожу, — ответил Эмре, хотя знал, что нет ничего опаснее, чем выходить из дома в такое время.

— Нет, я!

— Почему ты?

Белгин поднесла руки к лицу, словно пытаясь стереть какие-то воспоминания или от чего-то закрыться.

— Если что-то пойдет не так... Я не могу видеть кровь. Я просто убегу. Хаким живет на соседней улице — это недалеко. Я пойду вдоль оград, меня никто не заметит.

Залитые лунным светом стволы деревьев казались белыми на фоне черного неба. По земле плыли длинные колеблющиеся тени, отчего Белгин чудилось, будто она движется в колыхавшемся сумраке призрачного леса. Справа и слева возвышались глухие ограды, из-за них не доносилось ни звука и не было видно огней. Теплый ночной ветер тревожно дул в лицо, почти как на палубе корабля, некогда увозившего ее из Армении в Стамбул. Белгин чувствовала, что за время жизни в гареме отвыкла и от быстрой ходьбы, и от больших расстояний. Иногда она останавливалась и колотила в ворота, но ей никто не открывал. Возможно, соседи в страхе убежали или просто попрятались в глубине комнат.

Она свернула на соседнюю улицу, где жил хаким. Его дом казался пустым и мертвым, как и все остальные. Белгин долго стучала, боясь привлечь не тех людей, какие ей были нужны, но ответа не было. Она не знала, что делать. Идти назад? Ее

пугали и языки пламени, лижущие небо, пусть даже где-то далеко, и такой же неблизкий, но грозный шум.

Что происходит? Что это? Знамение прогневанного Неба? Белгин чудилось, будто близится конец света; недаром османы всегда вынашивали столько несправедливых и жестоких планов! Кто-то шел сюда: топот кованых каблуков гулким эхом отражался от камней, которыми была вымощена улица. Когда Белгин услышала, что звуки приближаются, на нее нахлынула тошнотворная слабость, и она прислонилась к чужим воротам.

На улице свернула толпа янычар. Они орали что-то нестройное и непристойное, то и дело взмахивая вспыхивающими, как серебряные полосы, клинками сабель. Тени от пламени факелов в их руках неистово метались по мостовой. Воинов султана горячило выпитое вино и то, что происходило в городе. Возбуждение несло их по улицам, как половодье несет мусор. В эти часы Стамбул напоминал угодивший в бурю корабль, одни пассажиры которого в панике мечутся без надежды на спасение, тогда как охваченные бесшабашной бравадой другие открыто плюют в лицо смерти.

Белгин надеялась, янычары ее не заметят, но жестоко ошиблась. Верные убеждению, что порядочные женщины не ходят по улицам одни и тем более в темноте, они с радостным и глумливым гоголом окружили ее, соревнуясь в грубоватом остроумии.

— О, да тут притаилась ночная птичка!

— Такая красавица и в такое время — настоящий подарок!

— А если это джинния?

— Да! Сейчас она обернется старухой и так напугает тебя, что ты тронешься умом!

— Если она сделана из плоти, значит, она женщина!

— Это надо проверить.

Мужчины тянули и дергали Белгин за одежду, делали вид, что хотят отпустить ее, а потом с громким хохотом ловили, заставляя метаться в круге, а после вновь прижиматься к воротам.

Глаза девушки испуганно сверкали в лунном свете, губы жалобно кривились. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если б Белгин не узнал Мурад. Завороженный печальным взором девушки, охваченный мечтами о сладком поцелуе, какой могли бы подарить ее дивные уста, он невольно замер. Вдохнув ее запах, пьянящий аромат гвоздичного масла, он почувствовал, как у него закружилась голова.

— Эй, оставьте ее! — воскликнул он, бесцеремонно расталкивая товарищей. — Она живет неподалеку. Это наложница одного придворного. Я провожу ее домой!

Тут же раздались возмущенные голоса:

— А что она здесь делает? Почему шляется по улицам? Ты врешь! Хочешь забрать ее себе?!

— Она испугалась и убежала! Сами знаете, что происходит в городе. Наверное, ее господин не вернулся домой.

Мурад никогда не лез за словом в карман, к тому же слыл задирой и всегда был готов ввязаться в драку. Даже если он плел ерунду или преследовал только свою выгоду, с ним опасались связываться. К тому же насиловать чужую жену или наложницу было себе дороже. Доступных женщин в городе хватало и без Белгин. В данном случае солдаты всего лишь хотели невинно развлечься. Поворчав для приличия, янычары отправились дальше.

— Я провожу тебя, а потом догоню своих, — сказал Мурад. — Я помню, где ты живешь.

Девушка поправила вуаль, и они пошли по улице. Белгин не могла успокоиться. В ней боролись два одинаково сильных чувства: с одной стороны, она испытывала благодарность к этому человеку, с другой — ее не покидало ощущение опасности.

— Что ты тут делала? — спросил янычар.

Если бы Ахмед эфенди узнал, что она разговаривала с чужим мужчиной, тем более янычаром, он, наверное, убил бы ее, но девушка не сумела смолчать. В конце концов, именно этот человек спас ее от бесчестья.

— Нам понадобилась помощь.

— На ваш дом напали?

Белгин было неловко сообщать мужчине о том, что у одной из наложниц начались роды, и она ответила:

— Мы остались одни. Только женщины и евнух.

Мураду хотелось защитить и успокоить девушку, сделать так, чтобы она почувствовала себя в безопасности, но его одолела непривычная робость.

— Чем я могу помочь? — неловко произнес он.

— Ничем, — солгала Белгин, — просто мне надо как можно скорее попасть домой.

Он старался примериться к мелкому шагу спутницы. Мурад не знал, о чем с ней говорить. Он ощущал себя косноязычным, грубым и глупым. Янычару чудилось, будто он впервые находится так близко к женщине. Это было ново и... необычайно прекрасно. В темных глазах незнакомки поселилась грусть, которую он не чаял одолеть. Эта прекрасная девушка казалась диким зверьком, готовым в любую минуту укрыться в спасительной норке. Мурад понимал, как легко обидеть ее или спугнуть.